

Е. М. Штаерман

АНТИЧНАЯ ЭПИГРАФИКА В СССР¹

Работа в области античной эпиграфики велась в основном по трем направлениям: публикации и исследование монументальных надписей, найденных на территории СССР или найденных за рубежом, но дающих материал для истории нашей родины; публикации и исследования керамических надписей и, наконец, исследования об античных надписях, найденных и опубликованных в других странах и относящихся к различным общим и частным вопросам истории античного мира.

1. В 1917 г. В. В. Шкорпил опубликовал 13 надписей из Фанагории и Керчи (ИАК, 63, стр. 69—120). Одна из них (№ 3), относящаяся к началу Римской империи, сообщает о постройке укрепления на Тамани, остальные — краткие надгробные надписи. Небольшими обломками эпитафий являются изданные в 1918 г. В. В. Латышевым 11 херсонесских и 6 мангупских надписей (ИАК, 65, стр. 9—26); один из фрагментов (№ 1), относящийся ко времени Римской империи, содержит имена херсонесских магистратов, скрепивших какой-то декрет своими печатями. В 1921 г. В. В. Латышев опубликовал факсимиле ранее изданных в ИРЭ по рукописным копиям надписей из собрания А. С. Уварова и установил их более точное чтение (ИГАИМК, I (1921), стр. 17—28). Тогда же изданы В. В. Шкорпилом две надгробные надписи Керченского музея с изображениями погребального пира (ИГАИМК, I, стр. 379 сл.). В следующем году В. В. Латышев дает новое издание и восстановление изданной в 1914 г. Шкорпилом метрической эпитафии Левкия, павшего в битве с варварами (из Керчи), а также новое чтение эпитафии детей боспорской гражданки Филении, метрической эпитафии братьев Гастиса и Адчманта из Анапы, строительной надписи времен Рескупорида IV, а также заново издает несколько надписей Керченского музея: эпитафию «питомца муз» Смикра, две надписи фиасотов, ряд эпитафий и известную надпись из Китея III в. н. э., представляющую собой посвящение «богу гремящему, внемлющему» от китейской общины, которая строит ему храм под руководством и при участии местного знатного землевладельца Юлия Симмана (ИГАИМК, II (1922), стр. 84 сл.). К последней надписи затем дважды возвращался Ю. Ю. Марти², переиздававший и комментировавший ее с точки зрения социальных отношений, сложившихся в это время в маленьком боспорском городке Китее. В 1927 г. С. С. Дложевский опубликовал найденный в Ольвии декрет времени правления Септимия

¹ Для этого обзора частично использована статья Н. И. Новосадского «Античная эпиграфика в СССР за 20 лет», ВДИ, 1938, № 4, стр. 200—213.

² ИТОИАЭ, 1928, II, стр. 1—24; ИГАИМК, 104 (1935), стр. 60.

Сёвера о даровании проксении солдату Агафоклу и его потомкам¹. По мнению автора, солдат этот был уроженец Фракии или Южной Мезии. В 1928 г. А. Ф. Семеновым были изданы найденные вблизи Недвиговки фрагменты надписи, отнесенной издателем к II—III вв. н. э., и представляющие, по его мнению, обломки почетного декрета в честь персов Кегадата и Ахемена или Кегадата из рода Ахемена²; там же П. П. Черняев издает еще один фрагмент, возможно, IV в. н. э., всего из 12 букв; издатель предполагает, что он является частью декрета, составленного по обычной формуле танаисских надписей, в честь граждан, восстановивших за свой счет ворота Танаиса. В 1930 г. Н. И. Новосадский издал хранящийся в Темрюкском музее, датированный 103 г. н. э. акт об отпуске на волю $\delta\epsilon\lambda\tau\acute{\iota}\varsigma$ (воспитанника) гражданки Гликерии Филодеспоты в обычной форме посвящения божеству (ДАН, 1930, стр. 324—327).

В 1935 г. Ю. Ю. Марти дает публикацию с переводом и комментариями 23 боспорских надписей (ИГАИМК, 104 (1935), стр. 57—89). Одна из них—вышеупомянутая надпись из Китея. Две—посвящения Аполлону Врачу и Аполлону Дельфинию. К первой из них приложена сводка ранее опубликованных аналогичных посвящений. Вторая—первый пример упоминания этого бога в боспорских надписях. Надпись № 5 представляет собой акт об отпуске на волю раба в иудейской синагоге; в комментарии к ней автор дает сводку остальных 11 известных боспорских актов манумиссий. Две надписи содержат эпитафии, поставленные фисами верховного бога ($\theta\epsilon\acute{o}\varsigma \psi\upsilon\sigma\tau\omicron\varsigma$) своим сочленам; вторая из них (№ 7), относящаяся к III в. н. э., содержит новые сарматские имена. Остальные надписи представляют собой краткие эпитафии; из них можно особо отметить одну метрическую (№ 12) на могиле некоего Гекатея, видимо, ученого или философа. Издатель сопоставляет ее с другими известными эпитафиями боспорских ученых. Еще 17 надписей, хранящихся в Керченском музее, Ю. Ю. Марти издал в 1941 г. (ВДИ, 1941, № 1, стр. 198 сл.). Эти надписи были найдены на территории Боспорского царства в течение 1930—1940 гг. Особо выделено найденное на Тамани, относящееся ко времени Римской империи посвящение Афродите коллегией ее почитателей, возглавляемой жрецами. По поводу этой надписи издатель останавливается и на других местных памятниках культа Афродиты. Издатель отмечает и важное значение надписи из Юз—обе с именами трех членов коллегии, возглавлявшей приходную часть финансового управления Боспорского государства. Две эпитафии, одна из Кызаульского некрополя, другая из Тиритаки (I в. н. э.), содержат новые сарматские имена. Неизвестные ранее на Боспоре фракийские имена содержат надгробная стела из Тиритаки и две эпитафии из Керчи. Из Тиритаки же происходит фрагмент посвятельной надписи, относимой издателем к боспорскому царю II в. н. э. Реметалку. В Мирмекии обнаружен фрагмент почетного декрета в честь гражданина, отличившегося своей доблестью. На горе Митридат найдены две эпитафии фисов (II—III вв. н. э.) своим сочленам. Остальные надписи—эпитафии с обычными греческими именами. Новые надписи Таманского полуострова издала Н. П. Розанова (СА, VII (1941), стр. 247 сл.). Всего она дает 6 надписей. Это небольшие фрагменты, которые Н. П. Розанова восстанавливает. В первом из них она видит посвящение Артемиде, во втором—Гераклу, третья, по ее толкованию,—посвящение царю, от имени которого в надписи сохранилось только «Тиберию Юлию». Четвертая надпись—эпитафия II—III вв. н. э., относящаяся к какому-то военному трибуну. Последние две надписи—обломки эпитафий.

¹ Вісник Одеського державного музею, Вып. 1, Одесса, 1927.

² «Зап.Сев.Кавк.об-ва археологии, истории и этнографии», 1928, I, вып. 3/4, стр.4—7

Несколько боспорских надписей, найденных на Тамани и хранящихся в Таманском музее (посвящение божьей матери, надпись частного лица и несколько надгробий), датирующихся I—IV в. н. э., публикует тот же автор, в сопровождении переводов и комментария («Неизданные надписи Таманского музея», *ГД И*, 1947, № 2, стр. 173 сл.).

15 вновь или вторично публикуемых надписей Херсонесского музея издает в 1938 г. М. А. Шангин (*ВДИ*, 1938, № 3, стр. 72 сл.), с переводом и комментариями. Автор наново издает и комментирует заклятие, которым кончается известная Херсонесская присяга. Оно сопоставляется с заклятием амфикионов при разрушении Кирры и пафлагонским заклятием в присяге Августу. Соответствующую формулу, так долго просуществовавшую, автор возводит еще к IX—VIII вв. до н. э., находя сходство с ней в некоторых стихах (232, 234, 242) поэмы «Труды и дни» Гесиода. Далее, публикуется: весовой камень с числом 19, который, по мнению издателя, употреблялся при государственных раздачах жителям рыбы; фрагмент списка имен, эпитафия на свинцовой урне, метрическая эпитафия III в., н. э., фрагмент, дополняющий надпись IOSPE, I^a, № 630, являющуюся эпитафией легата легиона, жившего при Диоклетиане и Максимиане; надпись на саркофаге III в. н. э., отрывок декрета императоров Аркадия и Гонория, регулирующего сношения Херсонеса с восточными частями империи; надписи на пифосах, которые автор относит к VII в. н. э. и считает принадлежащими рабам хозяина винного склада; эпитафии разного времени. Кроме того, дается новое чтение надписей IOSPE, I^a, №№ 459, 497, 518, 622. Еще одна новая надпись из Херсонеса опубликована Г. Д. Беловым¹; по палеографическим данным издатель относит ее к VII в. н. э. Это метрическая эпитафия некоего Басса, сына Патериона, погибшего во время плавания по морю. Новые ольвийские надписи из раскопок 1935—1936 гг. были в 1940 г. опубликованы А. С. Коцеваловым («Ольвия», Киев, 1940, стр. 259 сл.). Это: 1) Почетный декрет III в. до н. э., в котором упоминается «собрание граждан и микселлинов из Пастушеского села». Разбирая различные возможные толкования значения этого выражения, автор высказывает предположение, что эти микселлины были частью скифов-земледельцев, ставших скотоводами; 2) Почетный декрет II—III вв. н. э. в честь граждан города Прусиады; 3) Отрывок списка имен римского времени; 4) Фрагмент того же времени, содержащий посвящение, возможно, коллегии стратегов; 5) Обломок какого-то декрета II—III вв. н. э.; 6) Обрывок строительной надписи римского времени; 7) Остаток метрической надписи об избавлении кого-то от какой-то беды; 8) Обломок надписи III в. до н. э. В заключение автор дает сводку новых керамических клейм и graffiti с описанием некоторых из них.

Большой интерес и внимание привлекли опубликованные за последнее время надписи из Армении. Это, во первых, семь надписей из Армавира, изданных А. И. Болтуновой². Три из этих надписей начертаны на камне, найденном еще в 1911 г., четыре—на другом камне, открытом в 1927 г. Шесть первых надписей издательница дает в копиях и транскрипции, седьмую—только в транскрипции. Они сильно испорчены; А. И. Болтунова предлагает их восстановление и толкование. Первая надпись—написанное гекзаметром четверостишие; смысл ее нравоучительный, противопоставление старого новому, в ней упоминается Гесиод и его брат Перс. Вторая надпись состоит из 11 строк, написанных ямбическим размером. Речь идет о какой-то воинственной богине, вероятно, Анаите,

¹ «Материалы и исследования по археологии СССР», 1941, вып. IV, стр. 239.

² «Изв. Арм. ФАН СССР», 1942, № 1—2, стр. 35—61. Вторая из этих надписей была ранее опубликована Тер-Акопяном в 1935 г. в «Материалах по истории древней Армении».

отожествлявшейся с Артемидой и Кибелой; богиня говорит от своего имени, обещая произвести какие-то ужасы, устранить бедствия и зависть. Издательница предполагает, что это отрывок из какой-то трагедии, близкой по стилю к трагедиям Эврипида, и что автором обих первых надписей мог быть царь Артавазд, который, по словам Плутарха, написал по-гречески ряд произведений, в том числе и трагедии. Третья надпись—вовивная с перечислением даров богу: коней, колесницы, картины. Этот камень, вероятно, стоял в святилище Артемиды и Аполлона. Четвертая надпись содержит письмо царя, имя которого А. И. Болтунова восстанавливает как Артаксия, к царю Эбронту с пожеланием здоровья. В пятой надписи перечислены месяцы сиро-македонского календаря и выражается пожелание здоровья (очевидно, в течение всего года) Фарнаку, вероятно, царю Понта, правившему в 190—169 гг. до н. э. Издательница считает, что надпись была сделана в 179 г. в связи с окончанием войны, в которой участвовал и царь Армении, и в связи с заключением мира с Понтом. В шестой надписи говорится о прибытии некоего Нумения, по предположению А. И. Болтуновой—наместника Антиоха IV Эпифана в Мизене, который, по словам Плиния, дважды разбил персов. Возможно, что этот наместник был послан Антиохом к Артаксии. В последней надписи Нумений извещает какую-то царицу, названную «братолюбивой», о гибели ее мужа, завоевавшего Армению, от руки солдат. А. И. Болтунова предполагает, что это сообщение о смерти царя было адресовано жене Антиоха IV Лаодике. В заключение издательница отмечает, что надписи эти интересны не только с исторической, но и с палеографической стороны: шрифт их отличается от обычного эпиграфического шрифта того времени. Очевидно резчик копировал их с рукописного текста, написанного папирологическим шрифтом III—II вв. до н. э., к которому они приближаются.

Б. Н. Граков, в своей рецензии на работу А. И. Болтуновой (ВДИ, 1946, № 1, стр. 166 сл.) отмечает некоторые разногласия с ней в восстановлении отдельных мест надписей. Он соглашается с большинством ее исторических выводов и подчеркивает их важность в палеографическом отношении: шрифт надписей подобен письму папирусов III—II вв. и еще более приближающемуся к ним шрифту родосских и синопских амфорных клейм, graffiti и некоторых боспорских монет. Армавирские надписи показывают, насколько широко этот шрифт применялся.

Академик Я. А. Манандян во многом разошелся с А. И. Болтуновой в историческом толковании армавирских надписей¹, в общем соглашаясь с ее восстановлением и чтением их. Первое четверостишие он считает действительно нравоучительным, но призывающим родственников жить в мире и осуждающим неправильный раздел наследства на примере Гесиода и Перса. По мнению Я. А. Манандяна, та же мысль вложена во второй надписи в уста богини Артемиды-Анаиты, которая, судя по лидийским надписям, являлась, между прочим, и блюстительницей справедливого раздела имущества. При этом он дает чтение и перевод этой надписи, отличные от произведенных А. И. Болтуновой. Он принимает ее чтение и интерпретацию третьей надписи, а также предположение о том, что этот камень находился в храме Аполлона и Артемиды. Наличие храма, построение которого, так же, как и надписи, он датирует III—II вв. до н. э., свидетельствует о значительном количестве и влиянии греческих колонистов даже в Великой Армении. В толковании надписей второго камня акад. Манандян почти полностью отвергает высказанные А. И. Болтуновой предположения. Первую из них он считает письмом царя Армавира

¹ «Армавирские надписи в новом освещении», Ереван, 1946

Митраса царю Ерванду, предшественнику Артаксии I. Во второй надписи он рассматривает слово «Фарнак» не как имя понтийского царя, а как добавочный, тринадцатый, месяц сиро-македонского календаря; таким образом, эта надпись являлась продолжением предыдущей и содержала пожелание Ерванду быть здоровым все 13 месяцев. Последнюю надпись автор приурочивает к гибели не Антиоха IV, а царя Ерванда Последнего, что подтверждается данными Моисея Хоренского. Эти надписи подтверждают также рассказ Моисея о том, что при Ерванде столица Армении была перенесена из Армавира в Ервандашат, причем религиозным центром оставался Армавир, где верховным жрецом и царем был тогда брат Ерванда Митрас. Второй камень, очевидно, составлял часть надгробного памятника Ерванда Последнего и относился к началу II в. до н. э.

Интересные сопоставления с Моисеем Хоренским и выводы для истории и культуры Армении делает акад. Манандян в комментариях к издаваемой им надписи из Гарни¹, найденной в 1945 г. Я. А. Манандян относит ее к реставрации царем Тиридатом храма и башни для царевны. Судя по встречающимся в надписи выражениям, свойственным христианской литературе, издатель приурочивает ее к правившему в начале IV в. Тиридату Великому, при котором Армения была обращена в христианство. Об этой надписи имеется упоминание у Моисея Хоренского. Принимая в качестве даты обращения армян 314—316 гг., акад. Манандян относит надпись к 315—330 гг. Он пересматривает принятую ранее датировку первоначальной постройки языческого храма и крепости в Гарни и считает, что она имела место в III в. до н. э., в эпоху Ервандидов, когда совмещалось эллинистическое влияние со строительной техникой, унаследованной от Урарту.

С иным толкованием и датировкой надписи выступила К. В. Тревер (ВДИ, 1947, № 2, стр. 212—213).

В № 1 ВДИ за 1947 г. издана С. А. Семеновым-Зусером надпись Харьковского музея о рыбном рынке в Херсонесе в эллинистическую эпоху. Одновременно Л. А. Ельницким публикуется фрагмент базы статуи Савромата II из Керчи с титулом «царя окрестных народов». Тот же автор публикует (в «Трудах Музея изобразительных искусств» за 1947 г.) найденную в 1938 г. в Анапе надпись под статуей, поставленной Неоклом, сыном Геродора, своему отцу, правителю Горгииппи в 187 г. н. э. Возможно, что одно из лиц, упоминаемых в надписи, встречается в горгииппийском каталоге, изданном Латышевым, в качестве синагога боспорского фиаса. А. К. Тахтай публикует херсонесскую надпись (в № 16 «КСИИМК»), содержащую список магистратов, засвидетельствовавших своими печатями какое-то народное постановление. На основании сличения этой надписи с другими херсонесскими надписями издатель строит родословную некоторых аристократических родов Херсонеса.

II. Исследования, построенные на материале ранее опубликованных эпиграфических текстов, производились как по линии более или менее обобщающих работ, основанных на эпиграфических данных, так и по линии нового чтения и толкования отдельных надписей.

Большие обобщающие работы были даны академиком С. А. Жебелевым. Это, во-первых, «Основные линии экономического развития Боспорского государства» (ИАН, 1934, № 8, стр. 589 сл.; № 9, стр. 661 сл.), в которой на основании привлечения и истолкования большого количества надписей, наряду с другими данными, автор устанавливает тесное соответствие экономики Боспорского царства как крупного экспортера хлеба, нуж-

¹ «Греческая надпись Гарни и время постройки гарнийского языческого храма», Ереван, 1946.

давшегося в привлечении рабочей силы окружающих племен и в развитии торговли с ними, с его политическим строем, предвосхищавшим позднейшие формы эллинистических государств, а также с его международными отношениями и ролью скифо-сарматского элемента в нем.

В частности, особенно подробно С. А. Жебелев останавливается в этой работе на надписях из Милета о пошлинах (IG, XII, 2, 3) в связи с беспощадной торговлей Аттики на Боспоре, на декрете о проксии при Перисаде I для граждан Амиса и Халкедона (IOSPE, II, 1, 2) и пантикапейской посвячительной надписи, поставленной уроженцем Византия (IOSPE, II, 21), как на доказательстве торговых связей Боспора с соответствующими центрами.

Далее должны быть упомянуты его «Боспорские этюды» (ИГАИМК, № 104, (1935), стр. 7 сл.). В первом из этих этюдов—посвященном вопросам происхождения Боспорского царства, автор на основании анализа титулатуры боспорских правителей в надписях дает картину постепенного территориального расширения Боспора. Самому раннему периоду существования Боспорского царства посвящена статья того же автора под названием «О возникновении Боспорского государства» (ИАН, 1930, № 10, стр. 799 сл.), где для решения вопроса о боспорской династии Археанактидов, существование которой ранее подвергал сомнению сам акад. Жебелев, он привлекает открытые в 1914 г. в милетском Дельфинионе списки милетских эпонимных магистратов, содержащие имя Кизика, сына Археанакта. Наконец, в основу получившей широкую известность работы С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» (ИГАИМК, № 70 (1932), стр. 9 сл.; ВДИ, 1938, № 3, стр. 49 сл.), положено новое, оригинальное толкование херсонесского декрета в честь полководца Митридата Понтийского—Диофанта, позволившее ему установить, что восстание Савмака, в котором прежде видели лишь дворцовый переворот, на самом деле было восстанием боспорских рабов, возглавлявшихся царским рабом Савмаком, который пользовался сочувствием и поддержкой туземного населения.

Такой же общий характер носит работа акад. А. И. Тюменева «Херсонесские этюды» (ВДИ, 1938, № 2, стр. 245 сл.). На основании сопоставления надписей, перечисляющих жертвователей делосского храма, круг которых в каждый период был довольно ограничен, автор приходит к выводу, что, поскольку Херсонес входил в число жертвователей, он состоял с Делосом в особых отношениях, скорее всего—отношениях колонии и метрополии. Это же подтверждается исследованием данных о пожертвованиях и празднествах Херсонесий на Делосе. Далее автор рассматривает надписи о дельфийских проксенах, среди которых большое место занимают граждане Херсонеса. Это указывает на тесные связи последнего с Дельфами,—вероятно, как колонии, основанной по указанию дельфийского оракула.

Большое значение имеет и исследование акад. С. А. Жебелева о «Херсонесской присяге» (ИАН, 1936, № 10, стр. 913 сл.), на основании которой он рисует картину внутрипартийной борьбы в Херсонесе. Самая присяга, по его мнению, была введена в результате какого-то политического события на рубеже IV и III вв. до н. э.,—возможно, попытки ниспровержения демократии. Сопоставляя этот документ с декретом в честь Диофанта, автор дает новое толкование загадочного термина «састер», встречающегося в присяге в качестве обозначения чего-то, что обязан охранять каждый гражданин города. По мнению С. А. Жебелева, это слово является местным названием херсонесской статуи богини—Девы, «Защитницы херсонессцев», которая сопровождала Диофанта в поход против скифов. Подробно останавливается он на монополистической тенденции государства,

сказавшейся в запрещении, налагаемом присягой, продавать хлеб с равнины где либо вне Херсонеса.

Херсонесским надписям посвящена статья Н. И. Новосадского «Критические и экзегетические заметки к некоторым херсонесским надписям»¹. Он также останавливается на термине «састер» в херсонесской присяге, высказывая предположение, что надо читать «мастер» — слово, обозначающее магистрата, наблюдавшего за конфискацией имущества граждан, осужденных на изгнание. Автор также останавливается на междуособной борьбе в Херсонесе, отразившейся в присяге. Далее, Н. И. Новосадский разбирает постановление херсонесцев в честь Аристана, сына Аттина, посланного к Августу с просьбой о даровании городу свободы. Автор считает, что Август отказал Херсонесу в этой просьбе, из чего следует, что город не имел при Августе прав *civitatis liberae*.

Тот же автор посвятил две работы боспорским фиасам²; он разбирает их организацию, социальный состав, различные термины, встречающиеся в их вотивных надписях, и высказывает предположение о значительном влиянии на них христианства, в противоположность авторам, приписывавшим основное влияние на фиасы культу Сабазия.

О боспорских фиасах дважды пишет акад. С. А. Жебелев: четвертый очерк вышеупомянутых «Боспорских этюдов» посвящен «Фиасу навклеров Горгиппии». В основе его лежит надпись почитавших Посейдона навклеров, времени царя Тиберия Юлия Савромата II, царствовавшего в конце II — начале III в. В надписи сообщается о постройке фиасом при помощи царя храма и постановке статуй, далее следует список должностных лиц и членов фиаса. По новому чтению, предложенному С. А. Жебелевым, помощь царя выразилась в даровании фиасу права беспрошльного вывоза из Горгиппии 10 000 артаб зерна. Автор останавливается подробно на организации торговых фиасов и тесной связи их с правительственной администрацией. Вторая статья о фиасах — «Танаидские братья-приемыши» (КСИИМК, 1940, V, стр. 47 сл.). Здесь дается толкование этого термина, встречающегося в списках коллегии почитателей «всевышнего бога» наряду с фиасотами. Привлекая для сравнения афинский устав коллегии Вакха-Диониса II в. н. э., автор приходит к выводу, что братья-приемыши были те сочлены, отцы которых не входили в коллегию и которые были приняты со стороны.

Религиозным объединениям посвящена и статья М. А. Тихановой «Греческая надпись с Таманского полуострова, IOSPE, I², 389» («Сб. в честь С. А. Жебелева», Л., 1926), в которой она опровергает мнение Латышева, считавшего надпись списком членов языческого объединения, и относит ее к христианской общине.

Ю. Ю. Марти разобрал найденную в Керчи метрическую эпитафию амастрийца Гелиодора, сына Гелия (ИТОИАЭ, 1927, № 1, стр. 118). Он сопоставляет ее с другими эпитафиями и надписями переселившихся в Боспорское царство уроженцев Малой Азии и указывает на тесную связь между обеими областями в эллинистический период.

Обстоятельное исследование посвятил Л. А. Мацулевич открытой в 1894 г. надписи на золотом венце в одном из керченских склепов³. Вопреки Шкорпилу, относившему ее к началу I в. н. э., автор датирует ее концом I — началом II в. н. э. В надписи говорится, что Юлию Каллисфену

¹ «Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе, 1927 г.», Севастополь, 1927, стр. 93.

² Доклад на археологической конференции в Керчи в 1926 г. и статья «Боспорские фиасы» в «Трудах секции археологии РАНИОН», т. III, 1928, стр. 55—70.

³ «Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г.», СЛ. VII, 1941, стр. 61—80.

фиас присуждает золотой венчик, по толкованию автора, — «на всю жизнь». Каллисфен, по мнению автора статьи, был крупный боспорский чиновник, может быть, стратег, возможно, из побочной ветви рода Тибериев Юлиев. Фиас он считает «производственным объединением» (по признаку несения государственной службы).

Ряд работ посвящен был ольвийским надписям.

В статье акад. С. А. Жебелева «Милет и Ольвия» (ИАН, 1929, стр. 427 сл.) автор останавливается на найденном в 1903 г. в Милете постановлении о равноправии граждан (исополитии) Милета и Ольвии. По мнению автора, исполития существовала со времени основания Ольвии, но была фиксирована или наново подтверждена по инициативе Милета, пожелавшего, после освобождения его Александром от персов и восстановления демократии, урегулировать свои отношения с колониями. Это желание автор связывает также с походом полководца Александра Македонского — Зопириона в 331 г. против скифов и осады им Ольвии. Во время осады Ольвия освободила рабов, дала равноправие иноземцам и аннулировала долги. Эти изменения заставили милетян искать подтверждения своих прав в Ольвии. Этой же надписи посвящена статья С. С. Дложевского¹ «Новые эпиграфические документы из Ольвии». По мнению автора, надпись указывает на преимущества в экономическом положении Ольвии перед Милетом в IV в. н. э. Автор отмечает, что надпись сообщает о неизвестном ранее в Ольвии совете (Βουλή). Автор считает, что надпись дает право говорить о большей, чем это считалось раньше, политической близости Милета и Ольвии.

В статьях «Ольвия и Мифрадат Евпатор» («Ольвия», К. 1940, стр. 281 сл.) и «Арменийцы в Ольвии» (КСИИМК, 1940, IV, стр. 31 сл.) акад. Жебелев дает свое восстановление и перевод надписи IOSPE, I², 35, представляющей декрет в честь уроженца города Амиса (на южном берегу Черного моря), служившего во флоте Митридата Евпатора и доставившего провиант арменийцам, переселенным царем в Ольвию. Автор считает, что Ольвия, как и Херсонес, страдая от напора варварских племен, отдалась под покровительство Митридата Евпатора, который отправил в город гарнизон арменийцев и послал еще какую-то помощь. Арменийцы — не жители Армении, как раньше полагали, а жители пригорода Синопы Армены, упоминаемой у ряда географов. Время надписи — последнее десятилетие II — первое десятилетие I в. до н. э.

В статье того же автора «Что понимать под «Борисфеном» IOSPE, I², 24» («Ольвия», К. 1940, стр. 275 сл.) рассматривается декрет IV в. до н. э. о ввозе различных предметов в Борисфен. Автор отрицает, что здесь имеется в виду самый город Ольвия, поскольку ольвиополиты никогда не называли себя борисфенитами, — обозначение введено в литературную традицию Геродотом. В надписи под Борисфеном понимается Буго-Днестровский лиман, к которому в надписи относятся слова — «входить на морском судне».

В статье Р. Л. Эрлиха «IRE, I², № 176» (ДАН, 1928, стр. 124 сл.) доказывалось, что в указанной надписи упоминается еврейская мошеля.

Новое чтение греческой надписи из окрестностей Мцхета предлагает А. И. Амиранашвили (ИГАИМК, 1927, V, стр. 409 сл.). Эта надпись от 75 г. н. э. сообщает о постройке римлянами крепости для царя Митридата, сына Фарасмана и, согласно чтению автора статьи, Амаспа, внука Парасмана I, упоминающегося в некоторых древних литературных памятниках Грузии.

¹ «Вісник одесської Комісії Краєзнавства», ч. I, стр. 13.

Мелкие поправки к чтению и толкованию отдельных надписей содержатся в статьях А. С. Коцевалова «Заметки к надписям греческих колоний Черноморья» (Сообщения ГАИМК, 1929, II, стр. 330 сл.) и Н. И. Новосадского «Несколько заметок к надписям, помещенным во втором издании IPE, I, Petr., 1916» («Сб. в честь С. А. Жебелева», Л., 1926).

Должна быть упомянута также публикуемая Б. Н. Граковым статья «Термин «скифы» в надписях Северного Причерноморья» (КСИИМК, № 16). На основании надписей автор доказывает, что после похода Диофанта до начала III в. продолжало существовать скифское царство в северном Крыму и на побережье между Крымом и Ольвией.

Многое было сделано для изучения керамических надписей, находящихся на территории СССР.

Еще в 1917 г. Е. М. Придик издал «Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания». Клейма расположены по месту происхождения: родосские, фасосские, книдские, икосские, паросские, неизвестного происхождения. Издание снабжено подробными указателями и таблицами.

Этому же ученому принадлежит работа «Die Astynomennamen auf Amphoren und Ziegelstempeln aus Südrussland» (SPAW, Ph. Hist. Kl., XXIV (1928), стр. 1 сл.); в ней содержится впервые составленный свод имен астиномов, по которым датировались штемпеля, со встречающимися при каждом из них именами гончаров и эмблемами. Указано также количество известных экземпляров с каждым именем. Первая таблица—с именами, бесспорно принадлежавшими астиномам, содержит 208 таких имен; вторая, где помещены имена, вызывающие сомнение, принадлежали ли они астиному или гончару,—90 имен. Отдельно собраны штемпеля, где перед именем гончара стоит слово $\kappa\epsilon\rho\mu\epsilon\upsilon\varsigma$, а также выделены имена астиномов на херсонесских и предполагаемых синопских штемпелях. Эта работа, так же как и предыдущая, является необходимым справочным пособием для работы в области керамических надписей.

Амфорным клеймам посвящены две большие работы Б. Н. Гракова. Первая—«Эллинистические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор» (Труды ГИМ, I, 1926, стр. 165 сл.), ставит себе целью выяснить место и время происхождения указанных амфор. Это дало бы материал для истории торговых отношений эллинистического времени, а также облегчило бы датировку предметов, найденных при раскопках вместе с этими амфорами. Автор сопоставляет данные о глине и типе амфор, языке, изображениях, палеографических особенностях, собственных именах клейм. Палеографические и грамматические данные говорят за то, что клеймение рассматриваемых амфор кончилось в третьей четверти III в. до н. э. Диалект клейм, дорический, мегарской группы, и собственные имена показывают, что эти клейма принадлежали городу, происшедшему из Мегар, а употребление в качестве эмблемы палицы Геракла заставляет автора считать местом их происхождения Гераклею. Он отмечает, что имена магистратов на этих клеймах встречаются редко, большинство, видимо, принадлежит владельцу или двум владельцам гончарной мастерской. Иногда второе имя, возможно, принадлежит мастеру, сделавшему сосуд. Клейма, таким образом, были частными фабричными марками.

Вторая работа—«Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов» (М., 1929) посвящена определению места и времени производства названных в заголовке книги клейм. Место их происхождения автор устанавливает на основании сходства некоторых эмблем с изображениями на монетах Синоп, анализа имен, характерных для Малой Азии, и, в частности, для Пафлагонии, данных диалекта, определяемого как синопский. Давая описание различного типа легенд на клеймах, автор приходит

к выводу, что клейма являлись фабричными марками, причем имя астиномов ставилось только для датировки. Далее Б. Н. Граков останавливается на диалектальных и орфографических особенностях клейм, оказывающихся свойственными ионическим диалектам эллинистической эпохи. Наблюдается также незначительное дорическое и сильное аттическое влияние. В развитии алфавита клейм все более сказывается влияние рукописного шрифта, но здесь оно начинается позже, чем в алфавите других групп клейм. Эмблемы многочисленны, но не оригинальны; они заимствовались из эмблем Родоса и Фасоса, изображений монет Синопы и связанных с ней областей, из произведений искусства и предметов культа. Это делает эмблемы важным культурно-историческим источником. Хронологически эти клейма определяются IV—I вв. до н. э. Внутри этого периода они разбиваются на 6 хронологических групп. В заключение автор, на основании анализа имен, останавливается на социальном составе астиномов и гончаров; среди последних появляются иноземцы, вольноотпущенники и рабы.

Против выводов Б. Н. Гракова возражал А. С. Коцевалов в рецензии на его книгу (РbW., 1933, № 23/24, стр. 630 сл.). Он сопоставляет имена на астиномых клеймах с именами надписей Синопы, Тиры, Ольвии, Херсонеса, Боспора и устанавливает, что аналогичные имена в наибольшем количестве встречаются на Боспоре, на втором месте идет Ольвия, затем Херсонес, Синоп и Тира; он поэтому предполагает место производства этих клейм на Боспоре. Напротив, В. Ф. Гайдукович (ИГАИМК, № 104, стр. 213) на основании техники изготовления и состава глины черепиц и амфор с астиномыми клеймами отвергает возможность происхождения их с Боспора или из Ольвии и считает наиболее вероятным предположение Б. Н. Гракова о том, что центром их изготовления была Синоп. Большинство предшествующих исследователей принимает также этот вывод.

Вопроса о хронологии фасосских амфорных клейм касается Б. Н. Граков в статье «Тара и хранение продуктов в древней Греции» (ИГАИМК, № 108(1935), стр. 176 сл.), где на основании сличения эмблем фасосских клейм с изображениями на фасосских монетах (коленипреклоненный Геракл, стреляющий из лука) устанавливается дата этих клейм: последняя четверть V в. до н. э., чем, очевидно, и определяется начало клеймения амфор на о. Фасосе.

Вопросов, связанных с изучением родосской клейменной керамики, касается Ю. С. Крушкoл в статье «Легенды родосских амфор» (ВДИ, 1946, № 3, стр. 190 сл.); она устанавливает некоторые соотношения между именами эпонимов и эмблемами, настаивает на частном характере клеймения амфор и подмечает, базируясь на статистике названий месяцев в легендах, явление сезонности клеймения, связанное с сезонностью виноделия и керамического производства.

Установлению места происхождения еще одной группы клейм, до сих пор не локализованной, посвящена и статья Л. А. Ельницкого «О боспорских амфорных клеймах» (ВДИ, 1940, № 3/4, стр. 318 сл.). Он исходит из анализа глины и аналогий с клеймами хорошо известных боспорских черепиц, выделяя ряд клейм на ручках сосудов, по форме и легендам вполне сходных с клеймами на боспорских черепицах. К боспорским клеймам автор относит и некоторые оттиснутые на ручках такой же формы и глины и близкие по форме букв к черепичным клеймам, хотя и не имеющим среди них прямых аналогий. Эти клейма автор датирует IV—началом II в. до н. э. Он отмечает, что, в отличие от черепичных клейм, на амфорных клеймах почти отсутствуют имена царей; это заставляет предполагать, что производство амфор не было государственной монополией.

Краткий очерк характеристики различных групп клейм и их значения как источника для истории торговли дает Е. М. Придик, в связи с публикацией 208 клейм, найденных при раскопках в Мирмекии и Тиритаке в 1932—1934 гг.¹

Специально черепичным клеймам посвящены статьи Б. Н. Гракова² и В. Ф. Гайдукевича³.

В первой из них, на основании палеографических данных и содержания клейм, автор устанавливает их хронологические группы, высказывает предположения о принадлежности заводов царям и о способе управления заводами: именем управляющего автор считает второе имя, появляющееся иногда на черепичном клейме рядом с именем царя.

Очень подробно и всесторонне останавливается на черепичных клеймах В. Ф. Гайдукевич. Центрами производства черепиц он считает Пантикапей и Фанагорию. Автор вкратце дает историю клеймения керамических изделий, в частности черепиц. Большинство боспорских черепичных клейм, содержащих собственные имена, представляет собой «фабричные марки». Клеймение, очевидно, производилось деревянным штампом по сырой глине. Неправильности в расположении букв объясняются ошибками резчиков штампов. Шрифт основной массы клейм совпадает со шрифтом боспорских монументальных надписей IV в. Эта дата для начала клеймения подтверждается и данными об условиях находки черепиц. Кончается клеймение в половине II в. Клейма с двумя именами свидетельствуют о наличии двойных фирм. Сочетание имен царей с именами частных лиц показывает, что владельцы мастерских принадлежали к высшей местной знати; сами цари, начиная с Перисада I, участвовали в гончарных предприятиях. Со Спартока III они становятся владельцами черепичных заводов. Автор подробно рассматривает вопрос о многочисленных черепичных клеймах с легендой $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\eta\iota$ в связи с тем спором, который был вызван среди западно-европейских ученых аналогичными клеймами на пергамских черепицах. На Боспоре они появляются в связи с переменой в III в до н. э. титула правителя с архонта на царя. Клеймо показывало, что черепица была изготовлена на заводе, принадлежавшем царю. Возможно, что указанный термин заменил имя царя. В приложении к статье даны клейма на боспорских черепицах из Керченского музея.

Помимо этих больших работ, все время публиковались отдельные находки и комментарии к ним.

В 1927 г. В. Ф. Штифтар издал новые штампы из Евпатории (ИТОИАЭ, 1927, № 1), на которых содержались до тех пор неизвестные имена астиномов и эмблемы. На основании их он сделал новые предположения о торговых связях Евпатории. В 1929 г. А. Ф. Семенов издал надпись на ручке, найденной при раскопках Мелиховского кургана (ИТОИАЭ, 1929, III, № 56, стр. 47 сл.), которую издатель считает шуточным посвящением некоего Диадумена, сына Хриса, возможно, бывшего поваром, своим преемникам.

А. Ф. Коцевалов, в статье «Zur Deutung der neulich herausgegebenen Inschrift aus dem Dongebiet» (PhW, 1932, № 3, стр. 93), не соглашается с толкованием вышеупомянутой надписи как шуточной и считает, что сосуд был подарен Диадуменом союзу молодых людей. Тот же автор в статье «Zur Deutung eines neulich herausgegebenen knidischen Stempels» (RhM, LXXXIII, стр. 286 сл.) уточняет чтение найденного в 1925 г. и опубли-

¹ «Материалы и исследования по археологии СССР», 1941, № 4, стр. 173—193.

² «Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее», ИГАИМК, 104 (1935), стр. 202—210.

³ «Строительные керамические материалы Боспора», там же, стр. 211—315.

кованного Дложевским штемпеля. По его мнению, на штемпеле значится имя не гончара, а чиновника-эпонима.

В 1918 г. Э. Диль опубликовал ряд таблиц с заклетами из Ольвии и Пантикапея¹. Две из этих табличек рассматривает Н. И. Новосадский в статье «Две керамические надписи, найденные на юге России»². Одна из них была найдена в Ольвии, другая в Керчи. Относительно последней автор опровергает мнение Э. Дилия, что это—заклятие, и доказывает, что надпись представляет собой реминисценцию какой-то не дошедшей до нас комедии.

32 клейма, найденных экспедицией ГАИМК в 1928 г. в станице Елизаветовской, публикует Т. Н. Книпович (ИГАИМК, № 104 (1935), стр. 200 сл.). Несколько клейм опубликованы в статье М. А. Миллера «Остатки сарматского поселения у станицы Нижне-Гниловской»³. В статье Б. Лунина—«Археологические находки в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа» (ВДИ, 1939, № 3, стр. 211 сл.) дается описание вновь найденного родосского клейма. О списке ольвийских клейм, данным А. Ф. Коцеваловым в сборнике «Ольвия» и публикации Е. М. Придином херсонесских клейм в 4 вып. «Материалов по археологии СССР» упоминалось выше. В этом же выпуске ряд клейм на амфорах и черепицах и graffiti приводится в статье Г. Д. Белова о раскопках северной части Херсонеса в 1931—33 гг. Тот же автор издает херсонесские клейма и graffiti в своем «Отчете о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг.», вышедшем отдельным изданием.

В статье А. К. Тахтая «Античные клейменные пифосы из Херсонеса» (КСИИМК, 1940, V, стр. 47 сл.) дается описание клейм на двух пифосах, принадлежащих к ранней группе синопских клейм (по классификации Б. Н. Гракова). Эта находка показывает, что клеймение пифосов производилось наряду с клеймением другой керамики, в чем существовало сомнение, ввиду того, что прежде клейменные пифосы не были известны.

К этому примыкает публикация (в этом же № журнала) Л. А. Ельницким печати для нанесения клейм на боспорские амфоры и черепицы, найденной в 1945 г. в Керчи. Публикация эта представляет значительный интерес, поскольку раньше такие глиняные штампы не были известны. В. Д. Блаватский в № 16 КСИИМК, в отчете о раскопках в 1945 г. в Керчи, публикует graffiti на чернолаковой солонке IV в. Из надписи явствует, что солонка служила наградой за исполнение эпических песен, вероятно, на пиру. В находящемся в печати номере «Записок Московского университета» за 1947 г. публикуется статья Б. Н. Гракова «Ввоз вина и масла в Скифию», построенная на данных статистики амфорных клейм. Эта статья является последней главой докторской диссертации Б. Н. Гракова.

III. Значительное внимание уделялось нашими античниками и надписям, находящимся в других странах и не имеющим отношения к древней истории СССР.

В 1918 г. А. В. Никитский напечатал статью «Об эпидаврской надписи IG, IV, 1511» (ИАН, 1918, стр. 293 сл.), в которой вносит ряд поправок в издание М. Френкеля, опровергает мнение о том, что эта надпись является отрывком какого-то тарифа и доказывает, что она относилась к жреческому календарю, содержащему предписания о жертвоприношениях тому или иному божеству в определенные дни.

¹ «Памятники древнегреческой магии», ИАК, 1918, вып. 65, стр. 79—84.

² «Труды отделения археологии РАНИОН», 1926, т. I, стр. 39—46.

³ «Памятники древности на Дону», Ростов, 1940.

Эпидаврским надписям посвящены статьи С. А. Жебелева: «Эпидаврийская ареталогия» (ИАН, 1931, стр. 321) и «Эпидаврийская терапевтика» (ИАН, 1933, стр. 61 сл.). В них он дает перевод ряда надписей об исцелении больных в храме Асклепия. В противоположность Гиллер фон-Герtringену, датируя вшему эти надписи IV в. до н. э., акад. Жебелев датирует их III в. до н. э. на основании некоторых эпиграфических аналогий. Он рассматривает, какие методы лечения применялись в Эпидавре, и приходит к выводу, что они были не только обрядово-религиозными, но и чисто медицинскими. О чудесах, описываемых в эпидаврских надписях, пишет и акад. И. И. Толстой в статье «Ареталогический трафарет в чудесах Асклепия и Артемия» (Сб. в честь Жебелева, Л., 1926).

О киренских надписях акад. С. А. Жебелев напечатал три статьи: «Киренская конституция» (ДАН, 1929, стр. 77 сл.), «Плодородие Кирены» (ДАН, 1929, стр. 97 сл.) и «Манифест Птолемея Киренского» (ИАН, 1933, стр. 391 сл.). Он дает перевод соответственных надписей. Первую он подробно сопоставляет с событиями истории Кирены после смерти Александра Македонского и датирует этот документ ближайшим к 322/1 г. временем. Он датирует надпись, положенную в основу его второй статьи, 331/10 г. до н. э. и высказывает предположение, что упоминаемый в ней хлеб был не подарен, а продан Киреной различным городам. В третьей статье С. А. Жебелев рассматривает разбираемый им документ с точки зрения характеристики взаимоотношения римского сената и эллинистических царей в середине II в. до н. э.

Об одной из киренских надписей пишет и А. Доватур в статье «Киренская клятва основателей» (ДАН, 1928, стр. 233). Он доказывает, что текст рассматриваемой им надписи, изданной в 1926 г., не был воспроизведен декретом VII в. до н. э. и был заимствован из какого-то позднейшего исторического труда, составленного на о. Фере.

Акад. С. А. Жебелев писал и о ряде других греческих надписей. В статье «Фрагмент элевсинской надписи» (ИАН, 1930, № 4, стр. 251) он датирует этот фрагмент, найденный в 1929 г., на основании сопоставления с повествованием Фукидида, июлем-августом 431 г. до н. э. и восстанавливает всю недостающую левую сторону. Надпись подтверждает сообщение Фукидида о размещении в начале Пелопонесской войны караульных постов в Элевсине и представляет собой декрет, регулирующий отношения Афин и Элевсина в связи с военным положением.

В статье «Царь Кодр» (ДАН, 1929, стр. 201 сл.) акад. Жебелев разбирает афинский декрет 418/7 г. о сдаче в аренду земельного участка, на котором находилось святилище Кодра, и устанавливает причины постройки этого святилища. В статье «Новые этолийские документы» (ДАН, 1930, стр. 489 сл.) тот же автор рассматривает опубликованную в 1927 г. надпись о исполитии этолийцев и граждан фессалийского города Трикки, которую он датирует 228—206 гг. до н. э. Автор привлекает данные Полибия и других надписей, чтобы выяснить значение разбираемого текста как источника для истории Этолийского союза.

Интересна статья С. А. Жебелева «Пеан Исилла» (ДАН, 1929, стр. 193 сл.), посвященная найденному в 80-х гг. XIX в. в Эпидавре пеану в честь Асклепия, написанному «боспорянином Исиллом». Автор выступает против общепринятой датировки этой надписи временем Филиппа II Македонского. Сопоставляя упоминаемые в этом памятнике обстоятельства войны со Спартой с соответственными известиями Полибия, он приурочивает ее ко времени реформ спартанского царя Клеомена и войны его с Филиппом V, начавшейся в 218 г. до н. э. В заключение автор говорит о неправомерности датировки надписи только по характеру письма, независимо от вытекающих из нее исторических соображений.

На этой же надписи останавливается и Б. Н. Граков, дающий ее перевод в упоминаемом ниже сборнике надписей по истории Скифии¹. Признавая силу аргументации С. А. Жебелева при датировке этой надписи, Б. Н. Граков приводит также противоречащие ей палеографические и исторические данные. Далее он опровергает утверждение Виламовиц-Меллендорфа о том, что автор пеана Исилл был уроженец не Боспора-Пантикапея, а какого-то поселения «Боспор» около Эпидавра. Исилл сообщает о своем прибытии в Эпидавр, вероятно, издаleка. Об его боспорском происхождении свидетельствуют ионизмы его языка. Исилл с Боспора упоминается среди участников музыкального состязания в Дельфах в середине III в. Очевидно, Исилл, автор пеана, прибыл в Эпидавр с Боспора и впоследствии получил там права гражданства. Далее Б. Н. Граков дает характеристику Исилла как поэта. Подтверждением его происхождения из среды боспорской монархически настроенной аристократии могут служить и аристократические тенденции, отразившиеся в пеане.

В 1928 г. Н. И. Новосадский опубликовал 12 неизданных македонских надгробных надписей II—IV вв. н. э.² В комментариях издатель отмечает то новое, что они дают: неизвестные ранее магистратуры, данные о монетной системе, следы пережитков матриархата в Македонии.

Интересна опубликованная М. Шангиным аттическая свинцовая табличка (ВДИ, 1938, № 1, стр. 101 сл.), приобретенная в Афинах академиком Н. П. Лихачевым и хранящаяся в Историческом музее. По палеографическим данным она относится к IV в. до н. э. Первоначальный текст ее, видимо, содержащий стереотипное проклятие, был стерт, и поверх него написан наговор, долженствовавший отвлечь действие проклятия.

Некоторые греческие надписи разобраны в статьях С. Я. Лурье. Он предложил новое чтение изданного Гиллер фон-Гертрингеном отрывка афинского декрета о выводе афинских клерухов на Саламин, дополняя имя архонта в последней строке и давая, таким образом, датировку декрета (ДАН, 1924, стр. 134). Поправка эта была принята первоначальным издателем надписи и вошла в ее последующие издания.

Новые толкования и восстановления предлагает тот же автор в статье «По поводу новонайденного локрийского закона» (ДАН, 1927, стр. 216 сл.) к этому закону о разделе земельных участков, истолкованному Виламовиц-Меллендорфом, который отнес его к V в. до н. э.

В статье «Новые эпиграфические находки в Афинах» (ВДИ, 1939, № 1, стр. 154 сл.) С. Я. Лурье останавливается на черепках, применявшихся при остракизме, с нацарапанным на них именем Фемистокла, и на эпитафии павших в коронейской битве, датированной 446 г. Автор дает ее перевод, и, сопоставляя ее с известиями об этой битве у Плутарха и у Фукидида, приходит к выводу, что Плутарх пользовался более надежным источником, чем Фукидид.

С. Я. Лурье подробно разбирает неоднократно комментированную надпись I, VII, 172 из Орхомена в статье «К организации нотариата в греческой метрополии» (ВДИ, 1938, № 2, стр. 66 сл.). Эта надпись III в. до н. э. говорит об уплате Орхоменом долга гражданке Феспий Никорете. На основании толкования надписи и ее сопоставления с данными античных авторов С. Я. Лурье делает попытку обрисовать организацию, ведавшую межгосударственными денежными расчетами и процедуру их производства.

Целый ряд аттических надписей, а также и надписи из других мест Греции (IG, I², 154; I², 16; I², 10; I², 22 и др.) цитирует и обсуждает,

¹ Она помещена в нем под № 57 (ВДИ, 1939, № 3, стр. 280—286).

² «Труды секции археологии РАНИОН», П., стр. 88—99.

предлагая свои поправки, С. Я. Лурье в статье «Эксплуатация афинских союзников», посвященной, в частности, рассмотрению новейших эпиграфических данных о делосском морском союзе и о взимании форося с его членов (ВДИ, 1947, № 2, стр. 13 сл.).

В статье Н. Залесского «Вновь опубликованные постановления делосского союза беритских посеидониастов» (ВДИ, 1940, № 2, стр. 123 сл.) автор передает содержание этого документа, опубликованного в 1934 г., представляющего собой постановление в честь римского ростовщика Минация, и отмечает, что нового дает надпись для внутренней структуры, хронологии, культа и жизни профессиональных объединений на Делосе, а также для характеристики проникновения римского капитала на Делос уже с середины II в. до н. э.

Н. Н. Залесский опубликовал обширную рецензию на издания делосских надписей (ВДИ, 1946, № 3, стр. 133 сл.). В своем обзоре пяти томов «Inscriptions de Délos» автор касается содержания отдельных текстов, в особенности известных отчетов гиеропеев, а также многочисленных вотивных надписей, характеризующих отношения Дельфийского храма с городами Греции, прежде всего с Афинами.

Делосские надписи широко привлекаются и комментируются в статье Я. А. Ленцмана по истории хлебной торговли Делоса в III—II вв. до н. э. (ВДИ, 1946, № 2, стр. 89 сл.).

Малоазийские надписи (OGIS, I, 215; SIG² 154, 344; а также Welles, Royal Corresp. in Hellen. Period, № 18—20 и др.), характеризующие положение земледельческого населения и сельскую экономику Малой Азии в эллинистическую эпоху (надпись Антиоха II, Мнесимаха—III в. до н. э. и др.) цитирует и обсуждает А. Б. Ранович в своей статье «Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии» (ВДИ, 1947, № 2, стр. 28 сл.).

Надпись из Аполлонии Понтийской, опубликованную в 1936 г., в честь Эпитихана, сына Менекрата из Гарса, командовавшего войсками Митридата Эвпатора, посланными в Аполлонию в порядке исполнения условий военного союза между Митридатом и Аполлонией, публикует и обсуждает Т. В. Бороздина в статье «К истории западно-понтийских городов в 80-х—40-х гг. до н. э.» (ВДИ, 1946, № 3, стр. 197). Для характеристики положения западнопонтийских городов в I в. до н. э. ею привлекается к обсуждению также и декрет в честь Менагена, сына Асклепиада, из Одесса, опубликованный в 1931 г.

О греческих надписях римского времени пишет Н. А. Машкин. В первой своей статье—«Эдикты Августа из Киренаики» (ВДИ, 1938, № 3/4, стр. 160 сл.) он дает перевод этого важнейшего для истории принципата памятника и подробные комментарии. Автор останавливается на вопросе о взаимоотношениях римлян и эллинов, на организации суда в провинциях, на том, что надпись дает для характеристики взаимоотношений Августа и сената и юридической основы принципата. Главное внимание Н. А. Машкин уделяет политике императора в провинции, его стремлению создать из местных эллинов лояльных граждан, которых можно было бы противопоставить ненадежным римлянам. С этой целью эллины привлекались к участию в судах, довольно широко раздавалось римское гражданство. Но и среди привилегированных слоев создавались различные категории, поскольку сохранялось двойное гражданство.

К тем же вопросам Н. А. Машкин возвращается в статье «Из истории римского гражданства» (ИАН, 1945, № 5, стр. 359 сл.), в основу которой положен анализ опубликованной в 1934 г. надписи из Розоса, содержащей письма Октавиана о Селевке, сыне Феодота, служившего у него навархом. В статье дан перевод надписи. Автор, сопоставляя ее с рядом других,

более ранних и современных ей, памятников, отмечает ее значение для понимания политики Августа, даровавшего в восточных городах римское гражданство в целях создания лояльного и надежного слоя населения. Автор разбирает привилегии, связанные с получением римского гражданства, затем, привлекая военные дипломы и некоторые африканские надписи, он прослеживает дальнейшую политику императоров I в. в отношении дарования римского гражданства, указывая, что поворотный пункт от индивидуального пожалования гражданства к дарованию его целым городам, определенным группам и категориям населения имел место при Клавдии. Этот император был инициатором политики, проводившейся впоследствии Флавиями и еще шире Антонинами.

Грамматическим и синтаксическим особенностям греческих надписей посвящены 2 книги А. Ф. Коцевалова: *Kocev a l o v, De articuli in inscriptionibus cretensibus usu syntactico*, Leopoli, 1935, и о н ж е, *Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum graecarum orae septentrionalis Ponti Euxini*, Leopoli, 1935.

Значительно меньшее внимание наших ученых привлекали латинские надписи.

Из работ, специально им посвященных, можно указать только статью А. В. Мишулина «К интерпретации надписи Эмилия Павла от 169 г. до н. э.» (*CIL*, II, № 5041) (*ИАН*, 1946, №4, стр. 341 сл.). Автор опровергает толкование надписи, данное Моммзенем и следовавшим за ним Ван-Нострандом. А. В. Мишулин выдвигает предположение, что декрет Эмилия Павла был вызван стремлением ослабить город Гасту, как один из центров складывавшейся иберийской государственности и противодействия Риму. Экономическому ослаблению города и должно было служить освобождение зависимого от Гасты населения Лоскутаны. Гаста ответила на это мероприятие новым восстанием, которое было подавлено римлянами.

В докторской диссертации «Таврика в эпоху римской оккупации»¹ В. Н. Дьяков подробно использует знаменитую надпись легата Нерона в Мезии Плавтия Сильвана Элиана из Тибура и некоторые другие относящиеся к этому лицу надписи для истории проникновения Рима в Причерноморье. Для сопоставления автор привлекает современные им надписи из Херсонеса. Более поздние надписи из Ай-Годора и Херсонеса В. Н. Дьяков использует для характеристики положения римского гарнизона в Крыму и романизации местного населения.

Л. А. Ельницкий в статье «Из исторической географии древней Колхиды» (*ВДИ*, 1938, № 2, стр. 307 сл.) приводит две латинские надписи — о военных частях в Апсаре и о постройке какого-то сооружения в Сухуми при Адриане легатом, имя которого восстанавливается как Флавий Арриан. Эти надписи подтверждают и уточняют «Перипл» Арриана.

В № 4 *ВДИ* за 1946 г. помещен «Обзор открытий в области латинской эпиграфики за XX в.» Е. М. Штаерман, где характеризуются наиболее интересные надписи, опубликованные за этот период, и дается библиография вышедших работ по латинской эпиграфике.

Ряд латинских надписей, сообщающих о пожаловании провинциалам римского гражданства, происходящих из рейнских и придунайских провинций, приводит и комментирует Е. М. Штаерман в своей статье «К вопросу о *dediticii* в эдикте Каракаллы» (*ВДИ*, 1946, № 2, стр. 81 сл.). Цитированные автором надписи показывают, что введение эдикта Каракаллы в действие в отдаленных частях империи совершалось медленно и опубликование его мало отразилось на юридическом положении неграждан империи.

¹ «Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», 1942, т. XXVIII, стр. 3—92.

Фрагментированную латинскую надпись, содержащую обрывок текста договора Каллатии с Римом, опубликованную в 1933 г. и относящуюся к I в. до н. э., цитирует Т. В. Бороздина в упоминавшейся уже статье «К истории западнопонтийских городов» (ВДИ, 1946, № 3, стр. 193), привлекая ее содержание для характеристики отношения Рима к греческим городам западного берега Понта.

Е. М. Штаерман по плану Сектора вспомогательных дисциплин ИИМК составляет тематические сборники избранных латинских надписей с переводом и комментариями их. Подготовлен 1-й сборник—«Военные надписи» и ведется работа над вторым—«Надписи по экономической и социальной истории».

В заключение надо отметить, что чрезвычайно ценные переводы греческих и латинских надписей были сделаны в книге А. Рановича («Первоисточники по истории раннего христианства», М., 1933), где особенно важен перевод известных африканских надписей о колонате; и в сборнике «Античный способ производства в источниках» (ИГАИМК, вып. 78, 1933). Надписи подобраны и переведены для этого сборника С. А. Жебелевым. Здесь дано около 100 важнейших, в основном греческих, надписей, содержащих материал по рабовладению, профессиональным коллегиям, наемному труду, выведению колоний, продаже и аренде земли, земледелию, домовладению, торговле, регулированию цен, пошлинам, налогам, финансовым операциям, государственному и городскому хозяйству.

Особо надо выделить большую работу Б. Н. Гракова «Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии» (ВДИ, 1939, № 3, стр. 231 сл.). В введении дается характеристика торговли Причерноморья рабами и хлебом с Грецией, взаимоотношения этих двух видов отраслей торговли; указывается, какое значение имеют надписи Греции для разрешения и освещения этих вопросов. Приводимые надписи, в количестве 125, разбиты тематически на 5 отделов: I—государственные надписи, содержащие данные о сношениях городов Греции и Малой Азии с городами Северного Причерноморья; II—надписи, относящиеся к боспорским царям, главным образом к Полемону I и его семье; III—надписи о военных столкновениях средиземноморских областей со Скифией; IV—надписи частных лиц, происходящих из северного Причерноморья; V—надписи, упоминавшие племена Скифии или имена лиц, безусловно к этим племенам принадлежавших. Надписи снабжены библиографией, переводами и подробными комментариями (историческими, филологическими, реальными). Целый ряд сопоставлений с аналогичными эпиграфическими и папирологическими свидетельствами дает возможность полностью оценить значение публикуемых надписей и наилучшим образом их использовать.

В настоящее время ведется работа по капитальному изданию и переизданию надписей, найденных в СССР.

Сектор вспомогательных дисциплин ИИМК подготавливает к печати III том IOSPE, содержащий надписи на предметах домашнего обихода. Надписи эти, в количестве более 20 000, были собраны Е. М. Придиком. Они будут изданы с дополнением в 6000—7000 надписей, найденных в раскопках последних лет. Выход в свет этого свода будет иметь чрезвычайно большое значение для исследования керамических надписей.

Группа работников ленинградского филиала Института истории начала работу по переизданию с дополнениями II тома IOSPE. Академик И. И. Толстой составляет сборник graffiti, найденных на юге России.